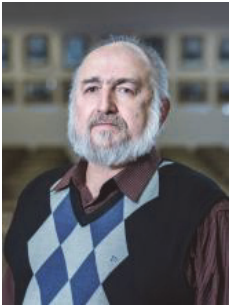

Воспоминания о Н.В. Глотове

Алексей Геннадьевич Васильев

д.б.н., проф., зав. лабораторией эволюционной экологии ИЭРиЖ УрО РАН

Наш дорогой классик

Имя Николая Васильевича Глотова впервые встретилось нам с моей молодой женой Ириной Васильевой еще в студенческие годы на обложке книги "Очерк учения о популяции" (1973). Авторы книги Н.В. Тимофеев-Ресовский, А.В. Яблоков и Н.В. Глотов сразу были восприняты нами как классики и корифеи науки. Мы многократно перечитывали книгу, ставшую для нас любимой и настольной, заинтересовались провозглашенными в ней новыми науками – фенетикой популяций и популяционной морфологией, занятие которыми во многом и определило нашу дальнейшую научную судьбу. В те годы мы даже не догадывались, что судьба буквально через несколько лет позволит нам близко познакомиться с двумя авторами: Алексеем Владимировичем Яблоковым и Николаем Васильевичем Глотовым. К нашему огромному сожалению, мы не увидели при жизни первого автора книги – Н.В. Тимофеева-Ресовского, а такая возможность у нас была. Мы с Ириной по ряду причин не смогли поехать в Москву на Международный генетический конгресс, хотя и были включены в программу, где Тимофеев-Ресовский еще лично присутствовал. Коллеги рассказывали потом, что он сидел в кресле как на троне, укрывшись пледом как королевской мантией и гордо приподняв голову, а к нему по очереди с большим почтением подходили корифеи генетики всего мира. Вскоре после этого Н.В. Тимофеев-Ресовский ушел из жизни.

Мы с Ириной Васильевой еще студентами пришли в лабораторию В.Н. Большакова и были приняты в нее сразу после окончания университета. Оказалось, что в нашей лаборатории работали сотрудники, хорошо знавшие Николая Васильевича Глотова – его племянница Галина Владимировна Быкова с мужем Николаем Георгиевичем Смирновым, а также Эмилия Абрамовна Гилева, ранее работавшая с ним в лаборатории Тимофеева-Ресовского в Миассово. Затем в Институте появился генетик растений – Леонид Филатович Семериков, приехавший из Ильменского заповедника, и который, как мы узнали позднее, был близким другом Николая Васильевича.

Нам посчастливилось впервые увидеть Николая Васильевича Глотова в конце 70-х годов прошлого века. Приезжая к родственникам в Свердловск, он обязательно заходил в наш Институт пообщаться с друзьями и бывшими коллегами – Леонидом Филатовичем Семериковым и Эмилией Абрамовной Гилевой. Повторю, что все они – Семериков, Гилева и Глотов – вышли из под крыла Н.В. Тимофеева-Ресовского, успели поработать под его руководством в Миассово, буквально боготворили своего учителя и часто цитировали его крылатые высказывания. Несомненно, что это были наиболее продвинутые теоретики, генетики популяционисты и эволюционисты, с которыми интересно было обсуждать эволюционную проблематику. Нам с Ириной очень повезло, поскольку Э.А. Гилева пригласила нас участвовать в организованном ею научном семинаре. В семинаре еще приняли участие Н.Г. Смирнов, Б.В. Попов, В.В. Корона, а также Л.Ф. Семериков, с которым мы здесь впервые познакомились лично. Потом нам неоднократно удавалось посоветоваться и поспорить с ним и даже поработать в совместном проекте.

Вопросов у нас тогда накопилось много. И.А. Васильева поступила в аспирантуру к В.Н. Большакову и плотно занялась морфотипической изменчивостью зубов близких видов полевок и их гибридов, поэтому требовалась ее генетическая интерпретация, а, следовательно, и обсуждение результатов с профессиональными генетиками было просто необходимо. В те годы, после доклада Г.Х. Шапошникова о быстром

формообразовании тлей, который он сделал в Институте в 1975 году на семинаре С.С. Шварца, я мучительно пытался найти выход из непримиримых противоречий геноцентризма синтетической теории эволюции (СТЭ) и эпигенетической концепции генетической ассимиляции признаков К.Х. Уоддингтона. Выходило, что Уоддингтон с его эпигенетической концепцией был ближе к истине, чем апологеты СТЭ, к которым мы все себя тогда причисляли.

Прошли годы. Мы с Ириной увлеклись фенетикой популяций и популяционной морфологией, побывали на первом совещании по фенетике в г. Саратове, которое организовали А.В. Яблоков и Н.И. Ларина. Затем я поехал в Москву на второе совещание по фенетике в составе представительной группы сотрудников Института. В одном купейном вагоне поезда ехали Л.Ф. Семериков, Н.Г. Смирнов, И.М. Хохуткин, С.А. Мамаев, А.К. Махнев, В.В. Корона и многие другие уральские популяционные морфологи, фенетики и генетики. В Москве большинство наших маститых ученых поселились в гостинице "Академическая" возле метро "Октябрьская", а меня как самого молодого ученого поселили в гостинице "Якорь" возле станции метро "Белорусская", т.е. в другом конце города. Мне очень хотелось обсудить некоторые вопросы своего доклада со старшими коллегами, и я вечером направился к ним в гостиницу. Постучав в дверь номера Л.Ф. Семерикова, я получил приглашение и вошел. За столом сидела большая компания. Хорошо помню, что слева сидели Л.Ф. Семериков и Н.В. Глотов (я его видел в Институте и сразу узнал), а напротив, положив голову на ладони, сидел А.Н. Тюрюканов (тоже ученик и продолжатель дела Н.В. Тимофеева-Ресовского), а рядом с ним молодые дагестанские генетики. В воздухе вился дым сигарет. Шел оживленный научный спор. Вернее, Николай Васильевич целенаправленно задавал вопросы Тюрюканову, а тот отвечал с полузакрытыми глазами, но очень ясным голосом. Разговор шел ни больше не меньше, как о сущности и перспективах развития современной биогеоценологии. А.Н. Тюрюканов давал четкие определения, и речь его напоминала лекционный курс. Все остальные участники этого экспресс-семинара зачарованно слушали и молчали. Говорили только Глотов и Тюрюканов. Изредка что-то уточнял и спрашивал Семериков. Я тихонько присел на свободный стул и тоже внимательно слушал, хорошо понимая, что это и есть живая наука и многие идеи звучат здесь в первый и, возможно, последний раз. Было очень интересно. Так я в первый раз увидел Николая Васильевича Глотова не в коридоре нашего Института, а ведущим активный научный спор, и, конечно, сразу высоко оценил его острый и быстрый ум, тонкий юмор, невероятную эрудицию и широту охвата проблем. Мне предложили стакан с сухим вином, и я понял, что обсудить мой доклад уже не удастся. На завтра я был несколько несвеж, с некоторым трудом произнес доклад, вяло ответил на вопросы и был собой очень недоволен, а председателем заседания был строгий и подтянутый Николай Васильевич Глотов, который с иронией смотрел на мои усилия уложиться во времени, отведенном на доклад. Так состоялось наше первое личное знакомство.

Впоследствии мы встречались много раз на разных научных совещаниях и в Институте. В последние годы Николай Васильевич часто приезжал в Екатеринбург, принимал участие в качестве лектора в молодежных конференциях института, обсуждал доклады молодых ученых, выступал оппонентом на защитах, общался с коллегами. Заходил он и к нам в лабораторию. Один из его подарков – издание на русском языке книги Р. Фишера "Генетическая теория естественного отбора", которую он опубликовал, – я бережно храню, так как на ее первой странице дарственная подпись составителя – Н.В. Глотова (теперь это уже раритет).

Однажды в Институте еще в 80-е годы XX в. с ворохом новых результатов исследований и новыми идеями я зашел в кабинет Леонида Филатовича продолжить наш вчерашний спор и увидел рядом с ним Николая Васильевича Глотова. Они приветливо пригласили меня садиться и налили чашку крепкого чая, который очень любил Леонид Филатович. Я решил, что мне очень повезло с собеседниками, собрался с духом и предложил им обсудить мои новые результаты и некоторые идеи. Речь пошла о критике геноцентризма в синтетической эволюционной теории. Я привел серию аргументов, которые противоречили классическим позициям генетики, но хорошо согласовывались с эпигенетическими представлениями. Тогда мы обсуждали всего 5-7 аргументов. Теперь их уже больше 20. Оба мои оппонента были профессиональными генетиками,

придерживались классических представлений и сразу посуровели. Разгорелся нешуточный научный спор. Мы очень долго обсуждали проблему Шапошниковских тлей. Николай Васильевич, в частности, утверждал, что их быстрые морфологические перестройки могут быть связаны с обнаруженным у них скрытым эндомейозом. В итоге все остались при своих убеждениях, но дискуссией остались довольны и дружески распрощались. После этого памятного мне разговора мы много раз встречались с Николаем Васильевичем и всегда были очень рады встрече уже как хорошие добрые знакомые и коллеги. Однако, несмотря на его демократический стиль общения, меня никогда не покидало ощущение некоторого внутреннего трепета от общения с классиком науки. Много лет спустя, он в разговоре со мной на одном из популяционных семинаров все же признал мои аргументы справедливыми. Возможно, на его мировоззрение повлияла незадолго до того вышедшая статья его друга – генетика Л.А. Животовского, где эпигенетическим перестройкам генома уделялось большое внимание. Я был счастлив, так как его похвала для меня была очень большой и высокой наградой. Мы, конечно, не во всем были согласны друг с другом, но всегда с уважением принимали и обдумывали мысли друг друга. Знаменитый "провокационный фон", задающий веер изменчивости у линейных животных и сортов растений, описанный Н.В. Готовым в его докторской диссертации, я регулярно привожу в своих статьях и книгах как классический пример. Теперь, когда Николая Васильевича уже нет с нами, становится понятно, как важно поддерживать молодых, да и не очень молодых людей в их научном поиске. Этот разговор с ним по-прежнему окрыляет, поддерживает и подталкивает меня идти дальше, но обсудить перспективы популяционно-ценотических исследований с Николаем Васильевичем нам теперь уже не суждено.

Меня всегда удивляла память Николая Васильевича на имена и фамилии исследователей, которые он уважительно называл в своих лекциях, когда приводил пример их исследования. У меня в лаборатории работала студентка, а потом молодая сотрудница Ульяна Котельникова, которая проанализировала многомерными методами статистики изменчивость формы и размеров черепов стоков domestцированных и диких серебристо-черных лисиц из опытов, начатых на экспериментальной звероферме ИЦиГ СО РАН академиком Д.К. Беляевым. Она доложила свой материал на молодежной конференции ИЭРиЖ УрО РАН. Николай Васильевич был впечатлен результатами исследования, похвалил работу и молодого автора доклада, а потом, через много лет в одной или двух лекциях упоминал результаты этого исследования и по-прежнему называл имя и фамилию автора. И это были не единичные случаи. Однажды он громко поправил меня из зала во время моего выступления, когда я сделал ошибку в произношении имени японского генетика Неи.

Запомнились наши беседы с Николаем Васильевичем и Валентином Ванифатьевичем Короной во время выездного научного семинара, который на рубеже веков организовал В.М. Захаров в Воронежском заповеднике. Было очень приятно наблюдать как двое интеллигентных, мудрых и ироничных ученых быстро переходят с одной темы на другую, окрашивая разговор тонким юмором и яркими примерами. В этот момент я был просто счастлив, слушая их и разговаривая с ними. Замечательно, когда ты без лишних слов разговариваешь о

деле с умными людьми и хорошо понимаешь их, а они тебя.

Валентин Корона очень скоро, буквально через год ушел из жизни. Это была для меня огромная потеря. Такое же чувство большого горя возникло и после известия о кончине Николая Васильевича. Накатило острое чувство пронзительного несчастья.

Совсем недавно – весной 2015 г. мы стояли и беседовали с Николаем Васильевичем на крыльце Института экологии Волжского бассейна в г. Тольятти (даже сохранились фотографии). Вспомнился мне и солнечный парковый лес Воронежского заповедника, веселый оживленный разговор трех довольных от общения друг с другом людей и на глаза навернулись слезы. Потрясение от внезапной кончины Николая Васильевича не прошло до сих пор. Думаю, что очень многие в нашем Институте ценили и любили Николая Васильевича и хорошо меня понимают.

Потеря ученого такого калибра невосполнима. Ушел из жизни большой мыслитель, блестящий полемист, глубокий исследователь, эксперт в области статистики и биометрии, замечательный преподаватель и лектор. Всю свою жизнь Николай Васильевич нес в себе уважение и любовь к своему учителю – Николаю Владимировичу Тимофееву-Ресовскому, делился этим с коллегами и учениками. Частица духа великого Зубра была унаследована Николаем Васильевичем, как и всеми учениками Тимофеева-Ресовского. Отсюда, вероятно, и возникли широта охвата научных проблем, оригинальность примененных методик и его выдающийся лекторский дар.

Светлая память о Николае Васильевиче Глотове навсегда останется с нами. Останутся его статьи, книги и учебники. Останутся его мысли и добытые факты. Останутся ученики и продолжатели. Останется в памяти его яркий образ. Есть надежда, что останется и продолжит свою жизнь созданный им Всероссийский популяционный семинар, который заслуживает его имени.